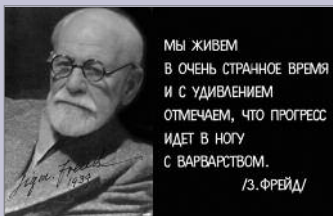

**Юлиус Вагнер-Юрег:
две стороны нобелевской
награды**

**Аннунциата
(не психиатрией единой)**

МЫ ЖИВЕМ
В ОЧЕНЬ СТРАННОЕ ВРЕМЯ
И С УДИВЛЕНИЕМ
ОТМЕЧАЕМ, ЧТО ПРОГРЕСС
ИДЕТ В НОГУ
С ВАРВАРСТВОМ.
/З. ФРЕЙД/

В гостях у Фрейда

**Нет таких крепостей,
которые не брали бы...**

Сто слов на первой полосе

ИН или IQ?

На днях ознакомился с требованиями, предъявляемыми к позиции руководителя одного высокого научного психиатрического учреждения, где значилось: индекс Хирша (ИН) – не менее 24. Задача архисложная: большинство едва достигает до 10–12, лидеры – до 18–19. Интересно, какие были ИН у Крепелина или Блейлера?

В наш век, когда «голь на выдумки хитра», ученые одного учреждения теперь просто договариваются между собой о взаимном цитировании, и высокий ИН готов, зарплата, соответственно, растет: это наше российское «ноухау». Негласно все поощряется администрацией.

Пример с журналом «Суицидология» показателен: искусственная «возгонка» показателей Российского индекса научного цитирования просто обесценивает их.

Если так будет продолжаться, то проще считать у ученых их IQ.

П.В.Морозов, главный редактор

Интервью

Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем

Конфуций

С президентом ЕПА В.Геблем, 2016 г.

– Это наше с Вами второе интервью, теперь по случаю юбилея и получения Вами национальной премии «Гармония» «За вклад в науку, образование и просвещение». О Вас персонально хочется поговорить чуть больше. Итак,

Петр Викторович Морозов – доктор медицинских наук, профессор кафедры психиатрии факультета повышения постдипломного образования Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И.Пирогова, член правления и региональный представитель по Восточноевропейскому региону Всемирной психиатрической ассоциации (WPA), член Совета Европейской психиатрической ассоциации, эксперт Совета Европы, посол Европейской коллегии нейropsихофармакологов в России, вице-президент Российского общества психиатров, издатель, основатель и главный редактор журналов «Психиатрия и психофармакотерапия. (Журнал им. П.Б.Ганнушкина)», «Дневник психиатра», награжденный в 2014 г. медалью Крепелина–Альцгеймера Мюнхенского университета «За большой вклад в науку и за лечение больных». Все правильно?

– Да, верно.

– *Петр Викторович, интервью это юбилейное, у Вас в декабре круглая дата. Давайте взглянем немного назад. Темп жизни у Вас бешеный, в прошлом году Вы налетали более 75 тыс. миль, выступили со многими докладами и лекциями, участвовали в конгрессах и симпозиумах. При этом выпускали журналы и газеты, работали с молодыми учеными.*

Вручение медали Крепелина–Альцгеймера, 2014 г.

Продолжение на стр. 2

Главный редактор: проф. П.В.Морозов
E-mail: media@mentica.ru

Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Рег. номер: ПИ №ФС77 – 64486

Общий тираж 15 тыс. экз.

Полное или частичное воспроизведение материалов, опубликованных в газете, допускается только с письменного разрешения редакции.

Все права защищены. 2016 г.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

В статьях представлена точка зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редакции.

«ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ»
Телефон/факс: +7 (499) 500-38-83

E-mail: og@hrmp.ru

Медицинский директор:

Б.А.Филимонов

Исполнительный директор:

Э.А.Батова

Арт-директор:

Э.А.Шадревский

ММА «МедиаМентика»

Директор: Т.Л.Скоробогат

Менеджер по рекламе: Н.А.Зуева

Адрес: 115054, Москва, Жуков пр-д, стр. 19

Почтовый адрес: 127055, Москва, а/я 37

Телефон/факс: +7 (495) 926-29-83

E-mail: media@con-med.ru

Электронная версия: www.con-med.ru

Отдел по работе с подписчиками:

Телефон: +7 (495) 926-29-83 (доб. 125)

E-mail: subscribe@con-med.ru

Научное производственно-практическое издание.

Согласно рекомендациям Роскомнадзора выпуск и распространение данного производственно-практического издания допускаются без размещения знака информационной продукции.

Поймать Вас трудно, не хотите передохнуть?

– «Попридержи коней, поговорим»? Хочу, очень хочу. А семья – так просто требует. Попробую...

– У Вас очень разнообразная и насыщенная жизнь, Вы многого достигли. Вопрос неожиданный для начала: а что сделать не удалось, о чем жалеете?

– Да, такие вопросы мобилизуют. Очень многого не достиг! Сожалею о том, что не выпустил монографию по итогам своей работы во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), там, в частности, много интересных и достаточно точных предсказаний о развитии психиатрии. Пришлось прервать в связи с командировкой работу над своей первой докторской о психастении и навязчивостях, хотя 11 работ было опубликовано; жалею, что не удалось развить исследования, начатые нами с А.Н.Краснянским о впервые описанном так называемом афганском синдроме. Очень жалею, что не получил музыкального образования, лежит «под сукном» оригинальный телевизионный сценарий, так и не поставили мою вторую рок-оперу «Сердце», ждет своего часа сборник сонетов. И еще жалею, что детей у меня лишь двое.

– Ну, внуки скоро будут, и на остальное еще есть время.

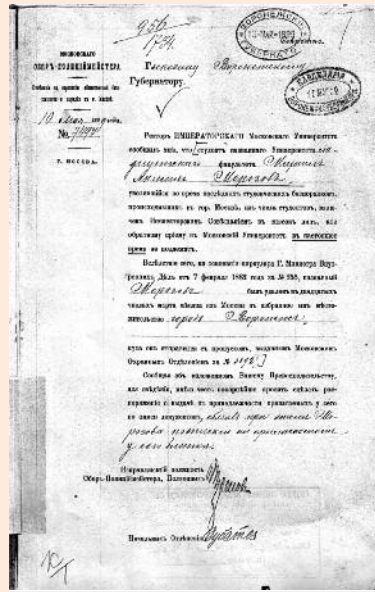
– Время есть, но что-то упущено безвозвратно. Последнее время занялся генеалогией своей семьи, по отцовской линии дошел до 1455 г., по материнской – до 1762 г. Как хотелось бы спросить ушедших близких о прошедшем, но увы – «течет неумолимо время». Древо семьи я все же построил – это нужно последующим поколениям.

– О ком из своих предков Вы хотели бы упомянуть?

– Вы рискуете... – я увлекусь. Корни древнего рода Карякиных (бабушка по отцу была оттуда) – на Владимирской земле, дворянство им было пожаловано за оборону Юрьева-Польского от поляков. Позже двое служили в Преображенском полку, а другой уланом прошел всю кампанию против Наполеона, брал Париж, в «битве народов» под Лейпцигом получил четыре сабельных удара, но остался в строю. История Толстовых (по маме) оказалась очень актуальной: Иван Анисимович был сотенным атаманом Миргородского полка Запорожской Сечи, после упразднения которой получил в качестве компенсации дворянство и земли в Крыму. Там он «умыкнул» татарскую княжну, а их сын Константин благодаря вакуфу (фонду) матери стал, будучи православным, секретарем Таврического магометанского правления. И все в мире жили. Петр Николаевич Толстов, мой двоюродный дед, врач, эсер, член Учредительного собрания, был исключен из Московского университета

за участие в революционном движении, диплом получил за границей. Кстати, и мой дед – вирусолог М.А.Морозов тоже был исключен из университета и сослан в Воронеж под надзор полиции. Подписали это решение печально знаменитые Трепов и Зубатов.

Не могу не упомянуть еще об одном своем предке – Н.С.Булгакове, служившем в походах при ставке самого А.В.Суворова. В его аттестации, подписанной любимцем генералиссимуса полковником Ребиндером, сказано, что он отличался особой храбростью, «среди охотников (добровольцев) был всегда впереди всех».

Дело М.А.Морозова, 1899 г.

– Это целая сага. Бываете на земле предков?

– После Суздальских школ стараюсь посетить Карякино, Лемешки, Михалково. Недавно в Крым ездил, под Джанкоем нашел имение прадеда Тархан-Сунак. В Воронеж ездил на открытие музея медицины – там деда вспоминали, отчий дом увидел. Часто вдвоем с сыном отправляемся по суворовским местам, посетили концлагерь Штукенброк, где сидел мой отец.

– Да, история одной семьи и история народа... Вопрос о путях развития психиатрии: какие наиболее актуальные проблемы сейчас Вы видите?

– Одну из проблем я вижу в том, что психиатрию захлестнула волна стандартизации, пришедшая в свое время со стороны английской психиатрии, которая стала родоначальницей шкалирования. В середине прошлого века вышла американская *Diagnosical and Statistical Manual (DSM)*, в 2013 г. мы получили ее пятую редакцию; в 1992 г. создана V глава Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), на подходе соответствующая глава МКБ-11. В Америке первым начал вкладывать в психиатрию большие деньги президент Джон Кеннеди, чья сестра была психически больна: сначала стали готовить

ежегодные отчеты о психическом здоровье нации, затем средства потекли в самую психиатрическую науку, что вылилось в создание DSM. Изначально стандартизация была, безусловно, полезна, прогрессивна, став попыткой объективизации состояния психического расстройства с помощью определенных шкал, вопросов, необходимых для исследований. Но в результате минусов оказалось больше, чем плюсов, о чем сейчас говорят ведущие психиатры по обе стороны океана. Критерии DSM, несмотря на многоосежность, не дают всесторонней характеристики расстройства, они весьма ограничены, настоящий сбор анамнеза заменен опросником, диагностика непригодна для исследований в силу ее недостаточной обоснованности. Главная беда в том, что за этими, как я говорю, «крестиками-ноликами» перестают видеть пациента – личность человека (это, кстати, признают и сами американцы), теряется основа психиатрии – клиническая школа (поэтому сейчас особенно важно направлять молодых специалистов, объяснять буквально на пальцах, зачем им нужно знать общую психопатологию). Когда мы в разговоре с американскими, британскими коллегами, выросшими на этих «крестиках-ноликах», касаемся каких-то клинических вопросов, то упираемся в стену абсолютного непонимания. Налицо психологизация, которую ведущий швейцарский психиатр Ю.Ангст называет главной опасностью клинической психиатрии.

И хотя DSM на сегодняшний день остается очень влиятельной, в прямую научную конфронтацию с ее очередной (DSM-5) редакцией, разработанной Американской психиатрической ассоциацией, вошел американский же Национальный институт психического здоровья, развивающий альтернативное исследование, а европейцы так и вовсе называют DSM «психиатрией Макдональдса».

Психологизация психиатрии выражается и в неконтролируемом приеме психотропных препаратов (в основном антидепрессантов), инспирируемом фармацевтическими компаниями, которые призывают «заедать» таблетками любые естественные эмоциональные реакции – будь то горе от потери близкого или недовольство отношениями с супругом. В некоторых странах об этой проблеме уже просто «вопят!» К примеру, на улицах Парижа я видел рекламные стенды с надписью: «Мы больше всех в мире принимаем психотропные препараты!»

Говоря о кризисе в психиатрии, не могу не сказать о деинституализации (т.е. переводе пациентов в амбулаторную сферу), также начавшейся в Америке во времена Кеннеди. Сама по себе идея хороша, тенденция приняла общемировой характер и, как вы знаете, сейчас активно внедряется и в России (у нас, правда, это

У входа в родной ВУЗ, 1971 г.

делается не столь масштабно, соблюдается «золотая середина»). Но что получилось в США, где число коечного фонда сократилось с 700 тыс. (1960 г.) до 90 тыс. (2011 г.)? Мы видим увеличение количества бездомных больных и, что самое прискорбное, увеличение числа психически больных с подтвержденным диагнозом, находящихся в тюрьмах страны (от 600 тыс. до 1 млн на 2 млн заключенных). Да, они там получают лечение, но тем не менее находятся в тюрьме. Ту же картину наблюдаем в Великобритании: закрыто несколько десятков психиатрических больниц, но открыто 26 новых тюрем (при этом парадокс: тюрьмы обходятся государству дороже). И здесь мы вправе говорить скорее о больном обществе, чем о кризисе психиатрии как науки.

– Все это звучит довольно пессимистично.

– И все же следует смотреть в будущее с оптимизмом. Как говорит один из старейших психиатров планеты, бывший президент WPA Пьер Пино, написавший не одну блестящую монографию по истории психиатрии, «настоящий кризис – всего лишь еще один транзитный период в истории психиатрии». Ему вторит не менее известный детский психиатр из Израиля Л.Айзенберг: «Психиатрия сегодня остается единственной медицинской дисциплиной с настойчивым интересом к пациенту как к личности, особенно в эпоху растущих и доминирующих медицинских подспециальностей, изучающих лишь отдельные параметры человеческого тела». Все это вселяет в нас уверенность в том, что психиатрия успешно преодолит настоящий кризис.

– Каким Вы видите дальнейшее развитие психиатрии?

– Я очень надеюсь на эпигенетику – науку, появившуюся относительно недавно и утверждающую влияние на человека и его потомков средовых факторов (под средовыми здесь понимаются не только психосоциальные, но прежде всего биологические

факторы). Наследование по механизму эпигенетики определяется не только известными всем факторами наследственности (ДНК и РНК), но и их ближайшим окружением, некоей группой влияния, которая надстраивается к ним снаружи (приставка «эпи» означает «в дополнение», «над») и значительно влияет на судьбу генетической информации не одного поколения живых существ.

Мой дед с отцом еще в 1950-е годы написали работу о вирусной этиологии шизофрении (хотя они не были первооткрывателями – до них подобные идеи высказывали итальянцы). На том этапе развития науки это было достаточно неубедительно. Но, по моему глубокому убеждению, за этим будущее. Я сам – не экспериментатор, не кабинетный ученый, скорее просветитель, менеджер от науки. Поэтому еще в 1981 г., начав работать в ВОЗ, собрал на одном симпозиуме ведущих психиатров и вирусологов из Финляндии, Британии, Чехословакии, США. Спустя год они снова собрались на симпозиуме в Бельгии. Затем в Канаде был организован международный конгресс под эгидой Ассоциации сравнительной вирусологии, на который съехались иммунологи, вирусологи, психиатры. И там впервые выступил Стэнли Прузинер, человек, открывший прионы и впоследствии, в 1996 г., получивший за это открытие Нобелевскую премию. Две книги на эту тему (вирусы и психическое здоровье) при моем участии и под моей редакцией вышли на Западе в крупнейших медицинских издательствах. Прионы – это вирусоподобные инфекционные частицы, вызывающие тяжелые заболевания центральной нервной системы у человека и ряда высших животных. Они лежат в основе механизма коровьего бешенства, или губчатой энцефалопатии, которая буквально съедает мозг, и человек (или животное) погибает – это заболевание с длительным инкубационным периодом, измеряемым годами (так называемая медленная инфекция). Прямые отношения к психиатрии это вроде бы и не имеет, но патогенез, на мой взгляд, очень близкий. Или другое заболевание, которым поражаются целые семьи, – смертельная семейная бессонница, также возникающая в результате модификации некоего гена за счет его вероятной прионизации.

Поделюсь еще одним интересным фактом. Давно известно, что страдающие эндогенными заболеваниями, в том числе шизофренией, чаще рождаются в холодные месяцы, причем это правило существует как для Северного, так и для Южного полушарий. Обычно это связывают с сезонными инфекционными простудными заболеваниями (острые респираторные вирусные инфекции, острые респираторные заболевания), которые поражают плод перед его появлением на свет.

В этой связи следует обратить внимание на опыты противовоспалительной терапии шизофрении и большой депрессии последних лет. Вполне возможно, что противовоспалительная терапия эффективна при психических расстройствах. Конечно же, подобные результаты носят предварительный характер, однако само направление исследований представляется достаточно перспективным.

По данным последних исследований, целых 8% человеческого генома происходит не от наших предков, а от привнесенных извне ретровирусов, в том числе и не принадлежащих нашему виду, например борнавируса.

Американский исследователь С.Фешот считает, что такие случаи заражения популяций с последующим наследованием части генома вируса могут служить источником мутаций в мозге, приводящих к самым различным последствиям (как положительным, так и отрицательным) для вида в целом, а также считает возможной связь между внедрением

С президентами ВГА – Х.Меззичем и К.Стефанисом, 1991 г.

миллионы лет назад борнавируса в ДНК человека и таким заболеванием, как шизофрения. Итак, эпигенетика включает в себя две концепции: наследственный фактор психического заболевания и влияние внешней среды на разных этапах развития вплоть до внутриутробного (в школе Снежного, кстати, звучал такой термин: «внутриутробный приступ шизофрении»). Когда классическая генетика, открывшая и расшифровавшая геном человека, не приблизилась к выяснению причин эндогенных заболеваний, не продвинула в понимании механизмов их возникновения, эстафету подхватила новая наука. С ее помощью можно объединить генетический и инфекционные подходы к проблемам изучения этиологии и патогенеза психических болезней, уяснить роль прионов и вирусов.

Так что прорыв в психиатрии, по моему мнению, следует ждать с этой стороны. Причем решать проблему будут не психиатры, а молекулярные биологи, генетики, которые откроют то, что психиатрам недоступно просто потому, что наши инструменты нам этого не позволяют. Но, как бы то ни было, всегда надо помнить, что каждый человек индивидуален, его душа неповторима... И есть какие-то высшие материи, которые нельзя измерить алгеброй, рас-

членить на атомы, поэтому, наверное, до последнего психиатры все равно души будут лечить словом. Одна из сентенций Гиппократа гласит: «Жизнь коротка, искусство долговечно». Но мало кто знает, что Гиппократ имел в виду искусство врачевания. Тут можно провести параллель с шахматами. Помните, велся вечный спор, что такое игра в шахматы – искусство, наука? И только когда компьютер научился обыгрывать чемпиона мира, спор прекратился – сразу стало скучно, сразу это перестало быть искусством. Вот пока мы в медицине такого уровня не достигли, врачевание будет оставаться искусством. Особенно врачевание души.

– Петр Викторович, насколько мне известно, Вы не первый в Вашей семье, кто занялся «искусством врачевания». И вообще, в Вашем случае, наверное, уже можно говорить о сложившейся медицинской династии...

– Наверное. Мой сын получает четвертым поколением врачей, дочь напрямую с медициной не связана, но она возглавляет агентство по организации психологических, психиатрических, неврологических конференций. Отец мой, член-корреспондент АМН СССР, профессор Виктор Михайлович Морозов, был психиатром, а дед, Михаил Акимович Морозов, – академиком АМН СССР, известным вирусологом. Отца психиатры страны знают хорошо: у него на кафедре училось не одно поколение врачей, в Психиатрической клинической больнице №1 им. Н.А.Алексеева он проработал лет 20... Жаль, памятную доску к его 100-летию так и не удалось установить в вестибюле больницы. О деде следует сказать особо. Главные его заслуги перед человечеством в том, что он изобрел сухую вакцину против оспы, за что получил Государственную премию; создал программу по искоренению оспы во всем мире, да и сам термин «эрадикация» был предложен именно им; в 1959 г. остановил эпидемию оспы, вспыхнувшую в Москве. Когда начали поступать больные, никто не мог поставить диагноз – дед, которому тогда было уже за 80, стал 42-м по счету специалистом, приглашенным для определения заболевания. Он взглянул, сказал: «Это оспа», – и сел писать, как он говорил, «рапОрт» министру здравоохранения – целый план по купированию эпидемии. В Москву было срочно привезено до 7 млн доз сухой вакцины, оперативно проведена вакцинация, и столица была спасена. Дед был очень ярким человеком, которого я на всю жизнь запомнил и которым горжусь.

– Но Вы пошли по стопам отца. Вопрос выбора профессии перед вами не стоял?

– Я с детства очень любил историю, и отец мой интерес по-

ощрял. Мать вспоминает, что как-то застала отца, читающего мне, двухлетнему, сцену атаки батальонов 6-го егерского полка под Шенграбеном из «Войны и мира». И я серьезно хотел стать историком. В выпускном классе отец повел меня как потенциального абитуриента к своему знакомому с одной из кафедр исторического факультета МГУ. И тот совершенно спокойно рассказал, что написал кандидатскую диссертацию о пользе совнархозов, а докторскую – об их вреде. Это как-то моментально прочистило мне мозги, и стало совершенно ясно, что

«...И покажем кузькину мать».

историком я быть не хочу. Когда мы вышли, я сказал отцу: «Я пойду в медицину», – и никогда не пожалел об этом. Сейчас я, как уже говорил выше, скорее организатор науки, издатель, главный редактор, даже просветитель. В медицинском издательстве, в котором работаю уже 17 лет и веду 12 журналов из 27, я обрел свободу: сам себе хозяин: сам пишу статьи, сам их заказываю, сам редактирую поступившие материалы, сам составляю свой график, сам за себя отвечаю и сам себя обеспечиваю. Это, видимо, то, к чему я долгие годы шел.

– Двенадцать журналов плюс преподавательская, организаторская, общественная деятельность... Как справляется?

– Бывает тяжело, хотя я склонен к некоей поливалентности, что меня и спасает. Еще в юности я открыл для себя, что можно усиливать свою работоспособность, резко переключая род деятельности. Это доказал в свое время в эксперименте великий Н.М.Сеченов. В юные годы я получил дипломы чертежника-деталировщика, радиомонтажника, в зрелые работал на дипломатическом поприще по линии МИДа, был телеведущим авторской программы на канале «Культура», изучал иностранные языки, стал чемпионом Швейцарии по футболу (лига «Ветераны»). Отлично помню, что когда писал докторскую диссертацию (от руки), то в какой-то момент начал записывать на полях сочиненные по ходу дела стихи. Это мне тогда очень помогло, и к тому же получился цикл «Сонеты, написанные на полях диссертации». Эта фор-

ма стихосложения учит предельной краткости, концентрации мыслей (да и чувств), ясности изложения.

– Вы не упомянули еще об одной сфере деятельности. В Интернете можно найти информацию о том, что Вы

Рок-н-ролл на яхте в Тихом океане, 1984 г.

были основным сочинителем музыки и текстов, а также вокалистом и гитаристом довольно известного в 1970-е годы ансамбля «Камертон», созданного Вами и сокурсниками во время учебы во Втором Московском медицинском институте, побеждали в ТВ-конкурсе «Алло, мы ищем таланты». И одна из песен в исполнении ансамбля прозвучала в фильме «Белорусский вокзал».

– Это правда. Мою песенку отобрал для фильма сам Альфред Шнитке, а учитывая то, что музыкальный лейтмотив картины был сочинен Булатом Окуджавой, можно сказать, что мне очень повезло – я оказался в хорошей компании. Я много писал музыки, песен, играл... Мои песни отмечали Микаэл Таривердиев и Марк Бернес – приятно об этом вспомнить. Музыку до сих пор люблю и до сих пор сочиняю. Недавно выпустили видеодиск, а на его презентации многое пели вживую, даже скакали по сцене, как в молодые годы, несмотря на возраст. Вот что писали в газете родного вуза: «Зал взрывался овациями, замолкал, я видел на глазах у многих слезы, а они все гнали и гнали. Мы все в эти минуты забыли, что участники ансамбля родились в первой половине прошлого столетия... Контакт был полным, иногда даже искрило. Ошеломляющее впечатление от видеоклипов "Математик", "Полонез", "Крылатые мужчины" и бесстрашной "Желанной", самого популярного произведения, созданного П.Морозовым. Потрясающая история об этой песне, изложенная в брошюре и рассказанная одним из очевидцев: «100-летие нашего РГМУ, несколько лет тому назад это было, вечер всей самодеятельности, даже ректор стихи читает. В конце ждем

"Камертон". И тут выходит перед ними наш капитан КВН, бывший военный хирург, и просит представить ребят. Рассказывает такую историю: «Гудермес, вторая чеченская война, в 150 м от линии боя я оперирую раненого в бедро осколком спецназовца. Опирирую без наркоза, под местной анестезией – боль жут-

кая, на грани потери сознания. Кругом мат, рядом шум боя. А я всегда что-то напеваю, когда оперирую. И вдруг замутненные от боли глаза этого мужественного парня светлеют и он спрашивает меня: "Доктор, откуда Вы знаете эту мелодию?" – "Эта наша "Камертон", из 2-го меда написал", – отвечаю. – "А я знаю эту песню с детства – мой отец часто пел ее матери, она говорит, что из-за нее она и замуж за него вышла. Режьте смелее, доктор, – я потерплю!"»

Никогда не расстаюсь с носителем, где записано больше 24 ч моей самой любимой музыки, начиная от рок-н-роллов и кончая сонатами Бетховена. Это очень помогает в жизни. С детства был окружен музыкой: бабушка была преподавателем, отец окончил музыкальную школу при консерватории, тетка была ученицей самого Игумнова, ее муж был профессиональным скрипачом, тетка по материнской линии была балериной Большого театра, танцевала с Улановой. На всю жизнь запомнил, как на мой пятилетний «юбилей» в нашу комнатушку в коммуналке пришли Ляля Черная, Ром Лебедев и «дядя Вава» Поляков – звезды цыганского театра «Ромэн», и пели всю ночь. Помню, что в начале 1950-х отец с мамой ходили на концерты С.Рихтера и в те тяжелые годы эта музыка была для них единственной отдушиной, единственным успокоением.

– Слушая Ваши рассказы о деде, о родителях, чувствуешь, что росли Вы в атмосфере любви. Да и так экспериментировать в жизни, пробуя делать одно, другое, третье, может только человек, ничего не боящийся, а значит – выросший в любви.

– Мне вообще кажется, что основная часть нашего поколения,

появившегося на свет в первые послевоенные годы, была рождена в любви. Его еще называли «поющее поколение» или «поколение бэби-бум» – это была реакция популяции на уничтожение миллионов людей: сначала 37-й год, потом война. И я действительно был окружен любовью со стороны всех. Но история нашей семьи вообще особая. Папа ушел на войну добровольцем, мама поехала к нему на фронт. В 1941 г. они попали в окружение, каждый считал другого погибшим. Отец побывал в немецком концлагере, мать – в гестаповской тюрьме. И когда оказалось, что оба живы, – это было чудом! Мама меня родила в 43 года. Она была абсолютно седой, никто не верил, что она беременна, думали – водянка. Мне было лет шесть, когда начался процесс по «делу врачей» и отца стали вызывать на Лубянку. Так вот мои родители договорились с дедом, чтобы тот меня усыновил в случае чего – деда-то не тронули бы, потому что Сталин очень боялся бактериологической войны (время конфликта в Корее). Я говорю о себе, но думаю, все наше поколение инстинктивно оберегали, опекали, отдавали самое лучшее, мы росли не в злобе, нам не дали нюхать пороху. И поэтому – наверное, смешно прозвучит... – но мы выросли неплохими людьми. Да и профессия у меня гуманистическая – мы имеем дело с душой.

Возвращаясь к психиатрии, скажу, что у меня были хорошие учителя: А.В.Снежневский и мой отец, В.М.Морозов, Э.Я.Штернберг и Р.А.Наджаров, А.Б.Смулевич и Ю.А.Шапкин, М.Я.Цуцупольковская и М.Б.Мазурский. В ВОЗ мне повезло работать с П.Кильхольцем и П.Деникером, М.Гамилыоном и Ж.Ангстом, К.Перрисом и Т.Кроу, О.Рафаэльсеном и Ж.Менделевичем, П.Пишо и К.Стефанисом, С.Кети и Н.Кляйном, Г.Гиппиусом и Х.Меззичем, А.Жабленским и Н.Сарториусом, нобелевскими лауреатами К.Гайдусеком и С.Прузинером.

– У каждого врача в багаже есть случаи из практики, запомнившиеся на всю жизнь. Не поделитесь?

– Более 40 лет назад, будучи молодым врачом, я работал в Психиатрической клинической больнице №1 им. Н.А.Алексеева, в то время – им. П.П.Кащенко. У меня тогда была уникальная возможность показывать пациентов клиницистам высочайшего уровня – это бесценный опыт! Было много интересных пациентов. Одного из них я показывал четверым нашим ведущим психиатрам – Р.А.Наджарову, Э.Я.Штернбергу, А.В.Снежневскому и моему отцу – и все четверо поставили абсолютно разные диагнозы (это стало мне хорошим уроком на всю жизнь!). Мне тогда пришлось перелопатить много литературы, чтобы доказать, что при некоторых формах органического заболевания

травматического генеза бывает такая же реакция Вассермана, как при сифилитическом поражении, хотя сифилиса нет. Этот случай был настолько непрост, что А.В.Снежневский передал его заведующему отделением, известному психиатру М.Б.Мазурскому.

На школе в Суздале с «Аквариумом», 1988 г.

И мне, ординатору второго года, было очень приятно, когда тот, собрав дополнительный анамнез, сказал мне, что ничего нового не нашел и я все сделал правильно.

Еще был один любопытный случай с двумя поварами посольства одной франкоговорящей страны. Эти повара поступили с интервалом в месяц в одно и то же 30-е отделение – закон парных случаев! Мне поручали их вести, потому что я хорошо говорил по-французски. Первого привезли после того, как он устроил в посольстве бучу – подрался, побил сотрудников. Стали разбираться, и выяснилось, что причина не в патологии, а в новой жене посла, которая, приехав, начала заводить свои порядки, в том числе заставляла повара высочайшей квалификации убирать, извините, за своей собакой. Он раз стерпел, второй, а на третий схватил какую-то вазу, швырнул о стену, и понеслось. Я собрал анамнез, показал больного А.В.Снежневскому, тот поставил психопатию – никаких особых аномалий, – и повара выписали. Но, конечно, ему пришлось покинуть посольство. И вот как-то, спустя месяц, прихожу на работу – ко мне бегут: «Иди скорее, там опять повара из того же посольства привезли!» Я думал, разыгрывают. Оказалось – нет! Доставили повара, прибывшего на смену уехавшему. Никогда не забуду, как войдя в кабинет и увидев висящий на стене автопортрет Сезанна (который все почему-то принимали за портрет Ганнушкина), он приложил два пальца к виску и воскликнул подобно Швейку перед портретом императора Франца-Иосифа: «Да здравствует король!» Этот повар действительно оказался болен.

– Такие истории надо записывать! Этой транскультуральной психиатрии...

– Я потом, уже в Женеве, очень увлекся этой проблематикой, написал несколько работ, часть из них вошла в мою докторскую. В ряде случаев было с очевидностью доказано, что нарушения, внешне имеющие кросс-культуральные различия, на самом деле имеют строго детерминирован-

ные биологические особенности (скажем, пониженный уровень переносимости алкоголя у значительной части лиц монголоидной расы по сравнению с европейцами является следствием особого энзиматического профиля данной популяции). Эта гипотеза была подтверждена в многоцентровом коллаборативном проекте ВОЗ в рамках программы ВОЗ по биологической психиатрии, который я имел честь возглавлять. Другой международный проект – Международное поисковое исследование шизофрении (IPSS) – провело обследование огромной группы больных с помощью стандартизованных инструментов и продемонстрировало, что во всех рассматриваемых культурах имеются больные с одинаковой шизофренической симптоматикой. Интересно, что из девяти центров наиболее существенные различия в диагностике шизофрении в

На съемках программы «Консилиум» для канала «Культура»: граница Хорватии и Словении, 2003 г.

сторону ее расширенной трактовки наблюдались в вашингтонском и московском центрах. J.Leff, отмечая широкую интерпретацию шизофрении в этих двух центрах, объяснял это тем, что американская психиатрия находилась под сильным влиянием психоаналитического направления с его выраженными абстракциями, что привело к широкому толкованию шизофрении. Московская школа психиатров, возглавляемая А.В.Снежневским, уделяла больше внимания течению болезни, вопросам социальной адаптации пациентов и изменениям личности по мере прогрессирования заболевания.

Обсуждая культуральные аспекты классификации, нельзя не отметить, что отечественные психиатры обычно использовали свой собственный «механизм сенситивности» для тщательной оценки самых незначительных изменений личности на эмоциональном уровне. С известной долей осторожности можно предположить, что высокоразвитая эмоциональность, которая является формой сохранения и поддержания социальных связей в некоторых славянских странах, особенно в России, а также в Греции и отчасти в Ирландии, иногда рассматривается (в исторической перспективе) как наследованная реакция населения на сотни лет иностранной оккупации (или диктатуры). Повышенное чувство сострадания, взаимопомощи всегда отличало наш народ от других.

Эти различия приводят к ожесточенным спорам по поводу существования вялотекущей шизофрении (оставим в стороне политические аспекты). Наши психиатры видят изменения личности на эмоциональном уровне, многие западные – нет, у них другие нормы и стандарты эмоциональности, обусловленные историей, культурой и генетикой.

– А как Вы относитесь к идее переименования шизофрении? Японцы за подобный опыт даже премию WPA получили.

– Наш рисованный герой – Иван Ропович Совков – ответил на это предложение, посоветовав назвать болезнь «халвой», – все равно во рту слаще не станет. «Ан-Нусру» тоже пытаются переименовать – суть не меняется, или, извините, милицию – в полицию. В Японии это решалось на уровне парламента, сначала хотели назвать заболевание болезнью Блейлера, но восстало агропромышленное лобби – в японском языке нет буквы «л», и получилась «болезнь бройлера». Конечно, первое время наблюдается некая дестигматизация, но это – временное явление. Несмотря на мой скепсис, я даю возможность молодым психиатрам писать об этом в своих изданиях.

– О Вашей издательской деятельности. Газета «Дневник психиатра», выпускаемая Вами с 2012 г., уже успела стать очень популярной среди специалистов. Чем она отличается от других психиатрических изданий?

– Очень отличается. У меня давно вызревала идея сделать что-то такое интересное, необычное. Еще на заре перестройки мы с французами выпускали журнал «Синапс», где, следуя французской модели, пытались совместить несовместимые на первый взгляд вещи: серьезные профессиональные материалы и гуманитарные, но близкие нашей профессии. Казалось бы, разве такое возможно? Попробовал сам, и оказалось, что если к этому подходить деликатно и интеллигентно, то – можно. Признаюсь, на сегодняшний день собирать «Дневник психиатра» – одно из моих любимых занятий. Я стараюсь наполнить его уникальными, эксклюзивными материалами, будь то история, интервью, научные обзоры и т.п. Можно считать, что эта газета – почти авторская, до 70% написанная мной, газета, в которой я могу говорить о том, что мне действительно интересно, и так, как считаю нужным, порой достаточно жестко. Несмотря на очень хорошие отношения с украинскими коллегами, в «Дневнике психиатра» могу написать о том, что я думаю по поводу разгрома психиатрической больницы в Славянске, или с большим сочувствием написать об огромных проблемах в их армии, свя-

занных с посттравматическими стрессовыми расстройствами, возникающими у людей во время ведения любых боевых действий, но особенно сильных, когда непрофессионалов вынуждают воевать против собственного народа. Или, например, помните, наверное, как на Первом канале в программе «Познер» Дуня Смирнова публично на всю страну заявила, что российская психиатрия никуда не годится, все психиатры – неграмотные и эталмы, а Владимир Познер с этим согласился. И вся психиатрическая общественность, что называется, «умылась», смолчала. Ну как я мог отреагировать? Сел и очень зло написал все, что об этом думаю, аргументированно доказав, почему Смирнова и Познер не правы, и что они отстали в своих оценках на десятилетия. Растет новое поколение, которое лучше нас, умнее. Я это точно знаю, потому что руководил Комиссией по работе с молодыми психиатрами в Российском обществе психиатров – я всегда окружен молодежью, которая не дает мне «заснуть», с которой мне интересно.

– Вы возлагаете на них надежды?

– Конечно. Потенциал тех, кто приходит к нам на смену, очень хорошо виден в процессе работы проводимых нами школ, конгрессов, симпозиумов. Если конкретнее, то раз в два года проходит Школа молодых психиатров; работает Союз молодых ученых в структуре Российского общества

и присылают мне. В результате с каждого конгресса мы собираем по 10–12 актуальнейших, живо поданных материалов, содержащих самую свежую информацию. Эти материалы расходятся по психиатрическим журналам России и СНГ и пользуются огромным спросом. В рамках работы Европейской коллегии нейропсихофармакологов в России мы провели в Суздале семинар, по окончании которого лучшие из лучших присутствовавших там молодых психиатров получили гранты на поездки на европейские конгрессы. Ежегодно лучшие представители молодого поколения отправляются на проходящие в Европе школы по психофармакологии – общей, а также детского и пожилого возраста, участвуют в международных проектах по исследованию шизофрении. Ребятам есть к чему стремиться, и они знают, что добиться этого может каждый, главное – интересоваться наукой и знать иностранный язык.

– В «Дневнике психиатра» появилась новая рубрика «Не психиатрией единой», где Вы деботируете как исследователь-историк и искусствовед. Зная Вашу разносторонность, хотела бы поинтересоваться Вашими пристрастиями: в литературе, живописи, музыке.

– Вряд ли это интересно. Я достаточно консервативен в своих вкусах – то, что нравилось в 20 лет, люблю и сейчас. Это Пушкин,

Чемпионы и обладатели Кубка Швейцарии по футболу (лига «Ветераны»), 1985 г.

психиатров, он имеет 15 отделений в разных городах и объединяет очень перспективных ребят – за два последних года 70 из них получили гранты на заочную аспирантуру по психофармакологии в известном американском университете. Одна из форм работы – Восточноевропейская академия WPA-Servier; представленные в ней молодые врачи из семи стран СНГ, в совершенстве владеющие русским и английскими языками, посещают большие европейские конгрессы психиатров и психофармакологов, обобщают по секциям все услышанное, пишут обзорные статьи

«Онегина» в исполнении Смоктуновского в машине слушаю часами и постоянно удивляюсь: современности и иронии, точности и самоиронии. И много чему еще. Это Булгаков, очень люблю «Слово о полку Игореве», больше 50 лет слежу за специальной литературой, «Гамлета» (это ясно из моих лекций). В музыке – Бетховен, Шопен, Прокофьев...

– А в современной?

– Леннон, Маккартни, Ллойд Вебер, старые польские хиты, французы, Франсис Габрель в частно-

Продолжение на стр. 6

сти. Живопись – флорентийская, об этом можно судить по обложкам моего журнала, да и «Дневник психиатра» выходит в цветах флорентийской штукатурки. Импрессионистов люблю.

– Спорт? Вы о футболе говорили...

– Лет 40 мяч гонял, да и «болел» неистово. На стадион меня, восьмилетнего, привели В.М.Морозов и Р.А.Наджаров, с тех пор и «заболел». Люблю стрельбу, первое ружье мне покупали еще в 1955 г. отец с Н.Г.Шумским. Занимался стрельбой в институте, в 1972 г. даже выиграл первенство района. Стреляю регулярно до сих пор, у меня тир на даче. Этот вид спорта учит терпению, вниманию и концентрации. Кстати, и футбол научил меня многому, прежде всего развитию волевых усилий, умению играть через «не могу», возвращаться назад при срыве атаки в конце матча, когда казалось, что сил не осталось. Я ведь человек способный, мне все легко давалось с детства, позже я понял, что самая сладкая победа – это победа над собой. И детей я этому учил.

«Последний аргумент» в научном споре.

– Другие увлечения?

– Чтение, конечно же. История. Спутниковое телевидение. Мое поколение жило на голодном информационном пайке, а потребность знать все была огромная. Поэтому, когда стало возможно, я водрузил тарелку на крышу и стал смотреть весь мир, благо языки я знаю. Да и дочь как-то незаметно английский выучила аудиовизуальным методом. Еще самовары тульского завода Слиозберга собираю, он был мужем моей тетки, личность весьма колоритная, кинопродюсер, о нем оставили очень интересные воспоминания

писатель Борис Васильев, режиссер Элем Климов и актер Евгений Стеблов.

Но самая большая страсть – по-прежнему музыка. «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает. Но и любовь – мелодия...» – говорил Пушкин. Думаю, что создание музыки, да и любое творчество – еще большее наслаждение, чем сама музыка.

– Ну и по традиции: о Ваших планах.

– Человек предполагает, а Бог – располагает... Но долги есть: надо закончить работу по созданию антологии русской психиатрии, перевести текст на английский и издать; номер журнала о российской психиатрии на Западе издать необходимо, молодежи помогать следует всяческим образом – с ними интересно. Для них же в первую очередь хотелось и другие антологии перевести на русский и издать. Есть материалы, уже частично опубликованные с моим предисловием о выдающихся психиатрах XX в. (ведь многих я знал лично), попробую книгу издать. В апреле – 50 лет «Камертону». Посмотрим. Школу

в Суздале надо провести очередную, я теперь «на тренерской работе», являюсь ее ректором. Далеко не загадываю.

Вообще-то последние годы были продуктивными. Академик Капица говорил, что первые 25 лет человек не приносит пользу обществу – он берет от него: учится и так далее, потом до 50 он так же малополезен: строит семью, делает карьеру, растит детей С его точки зрения, самый продуктивный возраст – с 50 до 75 лет, когда стабильность достигнута, дети построены и ты можешь заняться тем, что тебе особенно интересно. И тогда ты наиболее полезен и продуктивен для общества.

– Это Ваш возраст, а что потом?

– А потом, утверждает Капица, до 100 лет живешь исключительно для себя.

– Ну что ж, пожелаю Вам главного перехода к удовлетвям жизни, но что-то мне подсказывает, что Вы не успокоитесь и после этого.

Беседу вела Ольга Борисова ■